УДК 81’373
doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-211-216

© А. П. Майоров

Забайкальские старообрядцы – они же *поляки*, они же *семейщики*, они же *семейские*

Статья посвящена критическому анализу существующих точек зрения по проблеме происхождения слова *семейские*. Большое внимание уделено гипотезе А.М.Селищева. Опираясь на новые данные, автор статьи анализирует не учтенное ранее слово *семейщики* как наименование забайкальских старообрядцев в XVIII в. В результате предлагается иная интерпретация истории возникновения номинации *семейские*.

Ключевые слова: забайкальские старообрядцы, поляки, семейщики, семейские, происхождение слова.

A. P. Mayorov

Old Believers of Transbaikalia – “polyaki”, “semeyshiki”, “semeyskie”

The article is concerned with the critical analysis of current views on the origins of the word “семейские” (semeyskie). Much attention is given to the theory of Selishev A.M. Based on the recent data the author analyses the word “семейщики” (semeyshiki) which has been previously left out of consideration as a name for Transbaikalian Old Believers in XVIII. As a result, a new interpretation of the genesis of “семейские” as a naming unit is suggested.

Keywords: Transbaikalian Old Believers, polyaki, semeyskie, semeyshiki, genesis

Слово *семейские* в качестве наименования потомков старообрядцев, переселённых в Забайкалье высшей волею Екатерины II, принято как ими самими, так и за пределами их этноязыковой среды. Характерно то, что в определении Ф. Ф. Болонева одним из важных признаков семейских как автономной конфессионально-этнографической группы русского народа выделяется самоназвание, которое, надо думать, играет особую роль в осознании своей общности представителями данной социальной группы русских людей, имеющей специфические элементы материальной и духовной культуры.

Происхождение лексемы *семейские*, обозначающей забайкальских старообрядцев, остаётся до конца неясным. Данная статья преследует цель подвергнуть критическому анализу существующие точки зрения по данной проблеме и предложить авторскую интерпретацию возникновения слова *семейские*.

Происхождение названия *семейские* объясняют двояким образом. Согласно одной точке зрения оно произошло от слова *семья*. Старообрядцам «позволено было <...> переселяться в Сибирь с женами и детьми» [4, с. 115], и образ переселенцев с семейством, домашним скарбом, видимо, непривычный для представителей других категорий ссыльных, лёг в основу номинации забайкальских ста-

рообрядцев. В дальнейшем точку зрения А. Мартоса разделяли П. А.Ровинский [12, с.125], декабрист А. Е. Розен [13, с. 411].

Другое объяснение происхождения слова выдвинул А. М.Селищев. По его мнению, от слова *семья* следовало ожидать образование *семейные*, а не *семейские*. Прилагательное же *семейские* своим суффиксом *-ск-* указывает на отношение к местности, выраженное посредством основы *сем-*. Такую основу учёный обнаруживает в названии реки *Сейм* Курской губернии, обосновывая связь корней слов тем, что курское название реки – *Семъ*, представленное в формах *на Сями, за Семью*, а также в названии слободы *Семейка* на правом берегу Дона в Воронежской губернии. Соответственно, первоначально от этой основы производится прилагательное *семские*, а позднее – *семейские* [14, с. 69].

Точка зрения А. М. Селищева представляется менее убедительной, вызывая ряд вопросов и возражений.

Прежде всего нельзя согласиться с утверждением А. М.Селищева о невозможности образования прилагательного *семейские* от слова *семья*. Очевидно, что, отстаивая свою точку зрения, учёный опирался на нормы словообразования в литературном языке, где, действительно, прилагательное *семейский* в значении ‘относящийся к семье’ не употребляется. В диалектном же языке оно существует: так, в русских говорах (московских, смоленских, калужских, орловских) отмечается прилагательное *семейский* в значении ‘семейный, имеющий семью’ [16, с. 45]. В этой связи любопытно мнение О. М. Козиной, которая считает, что прилагательное *семейский* было образовано по распространенной в сибирском просторечии и диалектной среде словообразовательной модели, которая соответствует в литературном языке модели с суффиксом *-н-*:

магазинский ‘относящийся к магазину’ – *магазинный*;

самодельский ‘сделанный своими руками’ – *самодельный*;

базарский ‘о вещах, предметах, продающихся в магазине’ – *базарный*

и др. [2, с. 19-20].

Между прочим, А. М. Селищев в известной книге о семейских приводит подстрочное замечание о возможности употребления прилагательного *семейский* вместо *семейный*, тем самым как бы вступая в противоречие с собственным тезисом. Необходимо также подчеркнуть, что ученый не настаивал на своей версии, делая оговорку, что «если действительно от «семьи» повелось название старообрядцев, пришедших в Забайкалье, то <…> сначала они прозваны были здесь «семейными» <…> и в течение времени название «семейные» заменилось названием «семейские», с суф. *-ск-*, чтобы выразить не семейность их (– ею и «сибиряки» обзавелись), а географическое определение, по аналогии с другими географическими названиями с *-ск-*» [14, с. 69].

Однако больше всего в гипотезе А. М. Селищева смущают исторические факты. Принять точку зрения ученого мешает определенного рода несовпадение указания на известное место выхода забайкальских старообрядцев – район Ветки современной Гомельской области Белоруссии, с ареалом расселения носителей этого имени, по А. М. Селищеву, в бассейне реки Сейм в современной Курской области и, видимо, в соседних местностях Воронежской и Белгородской областей. Безусловно, можно допустить такое в значительной степени дисперс-

ное, рассеянное расселение бежавших в то время из Московии старообрядцев в регионах Гомеля, Курска, Воронежа. Однако поневоле задаешься вопросом – почему же, оказавшись в Забайкалье, они принимают имя по достаточно узкому региону своего прошлого обитания – *семейские* (*семские*), но не *ветковские*, *гомельские*, *воронежские*, и – если следовать логике географического наименования какой-либо этносоциальной группы по водному объекту как месту проживания, – о*боянские*, *оскольские*, *донские*, *днепровские*?

Также трудно согласиться с происхождением в историческое время самоназвания той или иной этнической группы по наименованию реки, берега которой могли обживать разные народы (скажем, по берегам Волги жили русские, татары, мордва). В глубокой древности, в доисторический период, самоназвание отражало процесс приспособления человека к окружающему миру, и поэтому в тех или иных номинациях могла фиксироваться специфика характера места пребывания народа (восточно-славянские племена *поляне* – люди, живущие в полях; *древляне* – живущие в лесах; *дреговичи* – живущие на болотах; западнославянское племя *висляне* – живущие на реке Висла). Однако позже, с развитием цивилизационных форм общежития, люди стали предпочитать называть себя по наименованию населенного пункта, области, территории расселения, но не водного объекта.

Если самоназвание *семейские* было изначально присуще старообрядцам, переселявшимся с Ветки в Сибирь, тогда так или иначе оно было бы известно и тем приверженцам старой веры, кто помимо Забайкалья обосновался по берегам реки Бухтармы (правому притоку Иртыша), по течению рек Убы и Ульбы (также правым притокам Иртыша). Однако бухтарминские старообрядцы стали называться *каменщиками*, а убинско-ульбинские старообрядцы – *поляками*.

Не *семейскими*, а *поляками* себя называли и старообрядцы, переселявшиеся в Забайкалье. Об этом говорил в своем докладе, приводя убедительные аргументы, Ю. Д. Талько-Грынцевич на заседании Русского географического общества в 1894 г. [9]. В самых ранних источниках по истории забайкальских старообрядцев последних характеризуют как «новопоселенные ис поляков с семейством» [10, с. 31]. Известны и другие, бытовавшие в Забайкалье XVIII в. наименования старообрядцев – *польские посельники, польские колонисты*, среди которых названия *семейские* нет.

В забайкальских документах 60-х гг. XVIII в., содержащих сведения о прибытии старообрядцев из «полши», наряду с упомянутыми номинациями для обозначения новопоселенцев употребляется слово *семейщики*. Функционирование этого слова в качестве наименования старообрядцев в Забайкалье, по всей вероятности, А. М. Селищеву незнакомое, проливает новый свет на происхождение термина *семейские*, опровергая в то же время точку зрения ученого. Вот, например, фрагмент забайкальского документа 1766 г., в котором речь идет об обустройстве посельщиков, выводимых из Польши, и употребляется слово *семейщики*:

Велено находящимся в пригороде Удинске привезенным из Ыркуцка семейщикам на сей март мсцъ на наличное число <…> крупу в дачу произвесть [3, с. 431].

В отношении старообрядцев второй выгонки в 1765 и 1768 гг. В. М. Пыкин применяет термин «польские семейщики», который ученый, видимо, встретил в

документах XVIII в., но, к сожалению, его не паспортизировал [11, с. 143].

Вообще слово *семейщик* было известно русскому языку начиная с XVII в. По данным Словаря русского языка XI-XVII вв., оно употреблялось в значении ‘тот, кто имеет семью’:

А которые гулящие люди и семеищики пришли с Руси в Алятцкую слободу после пис<ь>ма Л<ь>ва Поскочиног<о> и ты б тѣхъ гулящих людеи и семеищиковъ присылал на Верхотур<ь>е з беломѣсными казаки А.Верхотур.съезж.избы, 1684 [15, с. 53].

Дефиниция значения слова в словаре сопровождается знаком вопроса, и это неслучайно. Слово *семейщики* в приведенном и других контекстах достаточно регулярно употребляется в сочетании с составным наименованием *гулящие люди*, а сочинительная связь двух однородных членов в таком словосочетании указывает на наличие определенных социокультурных коннотаций и в семантике слова *семейщики*. Учитывая это обстоятельство, выявление данных коннотаций следует предпринимать, отталкиваясь от анализа значения термина *гулящие люди*.

Специальное исследование положения и жизни гулящих людей, преимущественно на материалах Верхотурского уезда, было проведено в свое время А. А. Преображенским [8]. Как известно, гулящие люди представляли собой социальный разряд населения России XVI – начала XVIII в., состоявший из вольных людей, не приписанных ни к служилым, ни к тягловым людям [1, с. 128]. Подобно холопам, гулящие люди не несли никаких государственных повинностей и не платили податей; пользуясь свободой передвижения, они занимались ремёслами, жили работой по найму. Поскольку гулящий чаще всего был одиноким, холостым человеком, то в отличие от него крестьянина, поселившегося или готовящегося поселиться на пашню и привезшего с собой семью, называли *семейщиком*. В этой номинации примечателен суффикс *-щик*, который и создает нужный смысл, но подробнее об этом будет сказано ниже.

А. А. Преображенский указывает на еще одну черту гулящих людей, немаловажную для нашего исследования: в основном гулящие люди, попадавшие на восточные окраины России, были выходцами из крестьянских общин и посадов русского Севера (Поморья) [Преображенский 1972]. Вспомним тот факт, что первопоселенцы, осваивавшие территорию современной Бурятии и Восточного Забайкалья, были в основном выходцами из Северо-Восточной Руси. Приметы севернорусского происхождения прослеживаются во всем: в фамилиях *Устюжин, Каргопольцев*, в анкетных данных служилых людей, купцов, промышленников и гулящих людей, в которых встречаем наименования их мест рождения – Устюг Великий, Каргополь, Вологда и т. п.

Возможно, именно в среде севернорусских людей зародилось слово *семейщики*, которым наделяли людей, создающих и имеющих семьи, и в Восточной Сибири, осваиваемой в первую очередь гулящими людьми, характеристика поселенных в Забайкалье многосемейных старообрядцев этим словом была ожидаемой.

Помимо этого отметим еще один факт в пользу маркированности слова *семейщик*, обозначавшего ту социальную категорию, которая до прибытия старообрядцев была мало характерна для забайкальского региона. В XVIII веке в ссылку, в Забайкалье, прибывали люди самых разных социальных разрядов.

Кроме гулящих, вольных людей это были беглые крестьяне, промысловики, ссыльнокаторжные, военные – т. е. в основном люди, не имеющие семьи, или малосемейные. Правда, были группы крестьян-переведенцев, которые могли переселяться с семьями. Однако в отличие от старообрядцев их переселение не носило характера массовой «выгонки» родственных кланов, представители которых были многочисленны и резко выделялись в Сибири среди других переселенцев своим внешним видом, манерой поведения.

Таким образом, присвоение термина *семейщики* старообрядцам, прибывшим в Забайкалье, закономерно. Как уже было установлено, он служил наименованием особой категории тягловых людей XVII-XVIII вв., селившихся на пашню семьей, и в отношении многосемейных старообрядцев, переселяемых в Забайкалье, в противопоставлении представителям других социальных разрядов, обитавших там в то время, подходил как нельзя лучше.

Когда термин *семейские* приходит на смену слову *семейщики*, установить сложно, поскольку в письменных источниках XVIII в. употребление субстантива *семейские* не обнаруживается. Однако принципиально важен факт первоначального использования слова *семейщики* для обозначения староверов, переселившихся в Забайкалье, в связи с чем интерпретация происхождения появившегося впоследствии слова *семейские* может осуществляться только с учетом того же корня слова *семья*, но не названия реки *Сейм* (*Сем*) в Курской губернии.

Причина же изменения номинации кроется, очевидно, в том, что термин *семейщики* в отношении описанной социальной категории становится со временем неактуальным, поскольку класс гулящих людей уходит с российской социально-экономической арены, а значит исчезает сам принцип противопоставления тягловых семейных людей одиноким гулящим людям и бобылям.

Здесь следует обратить внимание на одну примечательную лингвистическую сторону смены термина *семейщики* субстантивом *семейские*. Образования с суффиксом *-щикъ*, первые случаи употребления которых относятся к середине XIII в. [7, с. 37], всегда были связаны с обозначением лиц, осуществляющих действие с предметом, название которого служит производящей основой для имен с этим суффиксом. Подобные образования известны еще в Новгородских берестяных грамотах [6, с. 218], и впоследствии, в русском языке XIV-XVII вв., получают широкое распространение существительные с суффиксом *-щикъ*, называющие лица по профессии, должности, роду занятий и т. п. (*грабежьщикъ, даньщикъ, доводщикъ, закладщикъ каменьщикъ, тальщикъ* и др.). Таким образом, можно констатировать, что в значении слова *семейщикъ* присутствовала дифференциальная сема не столько носителя признака, сколько производителя действия с тем предметом, который обозначен в производящей основе: то есть *семейщикъ* – это ‘тот, кто создает семью’. В связи с постепенным выходом из обихода обозначаемого денотата слово *семейщикъ* в этом значении утрачивается, сохраняясь только в говорах в значении ‘член семьи’ [16, с. 146].

Для наименования забайкальских старообрядцев оно теряет свою актуальность еще и потому что, как верно подметил А. М. Селищев, семейственность перестает быть характерным признаком старообрядцев, ею обрастают и забайкальские старожилы.

Субстантив *семейский* обладал суффиксом *-ск-* с более широкой семантикой, чем суффикс *-щик*. Он также мог использоваться для образования слов, обозначающих лиц по профессии, должности, роду занятий и т. п. (*детский* ‘боевой член княжеской дружины в XII в.’, *дворский* ‘управляющий княжеским хозяйством’, *сотский* ‘выборный из крестьян; низший полицейский чин в дореволюционной России’ и т. п.), для образования слов, характеризующих лиц по месту их происхождения (*вологодские, псковские, муромские* и т. п.). В любом случае насущной была характеристика старообрядцев как обособленной этносоциальной группы, и термин *семейские*, сохраняя образ родовой общины, выраженный с помощью корня слова *семья* и суффикса *-ск-*, в этом смысле оказался удачнее, чем образование *семейщики*.

Литература

1. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 6. Специальные курсы. – М.: Мысль, 1989.
2. Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 166 с.
3. Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2012. – 584 с.
4. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. – М., 1827.
5. НАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Управление Верхнеудинской комендатуры.
6. Николаев Г. А. Новгородские берестяные грамоты и проблемы русского исторического словообразования // Язык образования и образование языка: материалы междунар. конф. (Великий Новгород, 11-13 июня 2000 г.). – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. – С. 217-218.
7. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. – М.: Наука, 1964.
8. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. – М., 1972.
9. Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. – Кяхта. 1894. №2.
10. Пыкин В. М. Важный источник по истории тарбагатайских старообрядцев // История культура и язык старообрядцев Забайкалья: материалы регион. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 19-20 октября 2000 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. – С. 30-32.
11. Пыкин В. М. К вопросу о времени поселения в Забайкалье старообрядцев-семейских // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 31 мая – 1 июня 2007 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – С. 140-146.
12. Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. СОРГО. 1872. Т. 3. №3.
13. Розен А. Е. Записки барона Андрея Евгеньевича Розена // Отечественные записки. 1876. №4.
14. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
15. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 24. – М.: Наука, 2000.
16. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 37. – М.; Л.; СПб.: Наука, 2003.